

Глава 8. Я умею предсказывать будущее. Поверишь?

Су Мо искоса взглянул на него, и Хань Дун тут же это заметил. Он усмехнулся.

— Часто на тебя так пялятся, да?

Юноша кивнул.

— Оно и не мудрено, — Хань Дун внезапно подался вперед. Су Мо попытался отстраниться, но тот лишь усмехнулся и вернулся на место. — В общественных банях полно мужиков в возрасте. Жизнь у них пресная, вот в них похоть и просыпается. На чужих баб смотреть нельзя, а ты для них — идеальная мишень.

Су Мо резко развернулся, и он, чьи глаза обычно напоминали лепестки персика, вспыхнул ледяным гневом.

Хань Дун лишь криво ухмыльнулся:

— Да я без всякого такого. Не говорю, что ты на девку похож, просто среди мужиков ты слишком уж подходишь для того, чтобы... Ладно, замяли. Впредь не ходи в такие места, хочешь помыться — приходи ко мне. Всё, я выхожу. Спина у тебя чистая, а вот задница... больно уж белая.

Прежде чем Су Мо успел опомниться, Хань Дун звонко хлопнул его пониже спины. Кожа была на диво гладкой. Су Мо вспыхнул до корней волос и от смущения замахнулся ногой, чтобы всыпать наглецу, но Хань Дун ловко увернулся.

— Сяо Мо, ну зачем же так жестоко! — донеслось уже из-за двери вместе с раскатистым, бесстыдным хохотом.

Кроме брата, никто никогда так с ним не дурачился. Другие вообще старались не связываться с немым: если не насмехались в лицо, то это уже считалось верхом приличия.

Су Мо поймал себя на мысли, что Хань Дун с самого начала не видел в нём калеку. Он разговаривал с ним как с абсолютно нормальным человеком, и от этого на душе становилось теплее. Жаль только, что характер у этого типа менялся по щелчку пальцев.

Тихий стук прервал его размышления. Су Мо помедлил, а затем приоткрыл дверь на узкую щелочку, неловко встретившись взглядом с парнем.

— Вот, держи, моё. Всё чистое, — Хань Дун протянул стопку одежды. Заметив колебания, добавил: — Ты же не собираешься после ванны натягивать то старое тряпьё? Считай, зря

МЫЛСЯ.

Конечно, Су Мо хотелось переодеться в чистое, но перспектива носить вещи Хань Дуна вызывала смутное беспокойство. Тот, не дожидаясь ответа, просто впихнул одежду ему в руки.

— Вечно ты телишься.

Одежда оказалась модной: белая рубашка и джинсы с высокой талией — привычный стиль Хань Дуна. Но... когда Су Мо развернул сверток, между вещей обнаружили трусы. Он что, серьёзно предлагает надеть его бельё?

Су Мо плеснул в лицо холодной водой, а затем снова перевёл взгляд на злосчастную обновку.

Закат окрасил гостиную в багряные тона. Хань Дун сидел на диване в облаке сигаретного дыма, окутанный сумеречным сиянием. Су Мо заметил, что тот застыл, безучастно глядя в окно, явно погружённый в свои мысли.

Подойдя ближе, юноша осторожно коснулся его руки. Хань Дун вздрогнул, переводя непонимающий взгляд на гостя.

— Ты чего это меня лапаешь?

Су Мо опешил и тут же отдернул руку. Он не знал, как объяснить Хань Дуну то, что только что увидел.

— Опять эта мина, будто у тебя на душе кошки скребут, — Хань Дун затаился и снова отвернулся к окну. — Скажи мне... неужели любовь после свадьбы всегда вот так выдыхается?

Су Мо было плевать, что о нём подумают, — он обязан был предупредить Хань Дуна и предотвратить катастрофу. Схватив блокнот и ручку, он принялся лихорадочно писать. Хань Дун озадаченно наблюдал за ним, пока не опустил глаза на лист.

— Это ещё что за новости? Пишешь, что меня отделают какие-то шестёрки, которых подслала та девка? Ха! Не смей меня, у неё кишка тонка.

Су Мо понимал: это звучит дико. Но он не мог позволить Хань Дуну попасть в засаду, особенно по указке женщины, разрушившей его семью.

Он продолжил писать: «Прошу, просто поверь мне. Не выходи сегодня никуда, послушайся».

Хань Дун поднял голову и столкнулся с ним взглядом. Юноша смотрел с таким искренним отчаянием и тревогой, что он невольно засомневался.

— С чего ты взял? Дай хоть один повод тебе верить.

«Я не могу объяснить. Просто поверь: я не желаю тебе зла. Та женщина наняла целую свору уличных громил, тебе с ними не справиться в одиночку».

— Ты же вроде терпеть меня не можешь? — Хань Дун отбросил окурок и откинулся на спинку дивана, разглядывая точёный профиль Су Мо. — Тебе бы радоваться надо, если меня пришибут.

«Как же ты надоел!» — Су Мо сердито нахмурился.

Хань Дун не смог сдержать улыбки при виде этой вспышки негодования:

— Ага, злишься... Раз я такой несносный, так и брось меня на произвол судьбы.

«Плевать мне на тебя, иди хоть убейся!» — Су Мо с каменным лицом отошёл к окну. Он смотрел на заходящее солнце, пытаясь обрести покой в его безмолвном сиянии.

Пусть идёт куда хочет. Хотят побить — пусть бьют, заслужил.

— Знаешь, я всегда считал, что у меня паршивый характер, — Хань Дун присвистнул, глядя на силуэт парня, замершего в лучах заката. — Но ты мне в этом не уступаешь.

Су Мо привык, что свистом уличные бандюганы подзывают девчонок. От этого звука его всё тело словно одеревенело. Он обернулся и наградил «вонючего негодяя» испепеляющим взглядом.

Хань Дун лишь вызывающе усмехнулся:

— Вечером я всё равно выйду.

Су Мо в упор посмотрел на него, нахмурившись.

— Переживаешь за меня? — В голосе Хань Дуна сквозила наглая, насмешливая нотка.

«Настоящий дурак, — подумал Су Мо. — Ему грозит опасность, а он всё паясничает».

— Я сейчас найду своих ребят, — Хань Дун внезапно посерьёзnel. В такие моменты он казался пугающе холодным. — Если эта стерва решит поиграть в крутую, я им сам устрою тёплый приём. Скрываться от неё я не стану, даже если меня там закопают.

Су Мо снова подошёл и коснулся его ладони. Он изумился: видение изменилось. Теперь, благодаря его предупреждению, Хань Дун взял с собой людей и сам разнёс ту шайку в пух и прах.

Значит, этот безумец действительно не из тех, кто подставляет другую щеку. Что ж, по крайней мере, Су Мо ему помог.

— Слушай, ты чего постоянно меня за руку хватаешь? — Хань Дун прищурился, чувствуя неладное. — Неужели в этих касаниях кроется какой-то секрет?

Су Мо не хотел лгать, но он знал: правда звучит как бред сумасшедшего. Он уже пытался рассказать родным, но ему никто не поверил.

«А если я скажу, что могу предвидеть события на пять часов вперёд, ты поверишь?»

Хань Дун долго всматривался в его лицо. Будь на месте Су Мо кто-то другой, он бы уже вызвал санитаров. Но юноша смотрел с такой робкой надеждой, какой он никогда не видел. Ему вдруг стало не по себе от мысли, что он может погасить этот свет и вернуть Су Мо в его привычное состояние ледяного безразличия. А Хань Дуну нравилось видеть его живым и эмоциональным.

— Маленькая красавица, — Хань Дун хищно улыбнулся, — как думаешь, я поверю?

При слове «красавица» Су Мо мгновенно переменялся в лице. Он даже не дослушал фразу — просто со всей силы пнул Хань Дуна по голени. Тот лишь зашипел от боли.

— Ну и стервец... Как твой брат тебя терпит все эти годы?

«Вали отсюда!» — Су Мо размахисто начертил в блокноте и ушёл в кабинет, не желая больше слушать этого проходимца.

Хань Дун посмотрел ему вслед и невольно усмехнулся.

«Предвидение? Да ну, бред... Хотя дед тоже когда-то нёс всякую чушь».

Су Мо мерил шагами кабинет, краснея. В голове раз за разом всплывало это издевательское

«Маленькая красавица». Нужно признать, что когда Хань Дун начинал заигрывать, в его взгляде появлялось какое-то дикое обаяние. Даже Су Мо, будучи мужчиной, почувствовал этот магнетизм, что уж говорить о женщинах.

Он редко с кем сближался, а уж о таких прикосновениях и речи не шло. В свои восемнадцать он отчаянно жаждал дружбы — хотел, как и брат, иметь верных товарищей, с которыми можно и в огонь, и в воду, и просто подурачиться. С Хань Дуном всё было иначе: казалось, они знакомы уже целую вечность.

Су Мо невольно улыбнулся своим мыслям.

— Чего это мы тут сияем? Уже придумал, как меня извести? — Хань Дун стоял в дверном проёме. — Подумаешь, назвал «красавицей». Тебе это слово очень даже подходит.

Улыбка мгновенно исчезла. Су Мо застыл у стола, в упор глядя на Хань Дуна, а затем резко отвернулся к окну. Жар прилил к лицу с новой силой.

В комнате воцарилась неловкая тишина. Хань Дун засунул руки в карманы:

— Вообще, ты всегда казался мне таким гордецом... Будто я для тебя пустое место. Но я парень толстокожий: чем больше меня презирают, тем сильнее тянет на рожон. Это и называется «быть подонком», да?

Су Мо почувствовал, как внутри разливается тепло. Где уж ему, немому, гордиться или презирать кого-то? Хань Дун был первым, кто не смотрел на него с жалостью или сочувствием, а видел в нём равного.

Юноша обернулся и с едва заметной улыбкой кивнул.

— Ах ты ж паршивец! — Хань Дун рассмеялся. — Ну, раз я подонок, то буду соответствовать.

Он в пару шагов преодолел расстояние между ними и упёрся руками в стол, буквально заперев Су Мо в кольцо своих рук. Они оказались настолько близко, что юноша почувствовал его запах.

От этого пристального взгляда стало не по себе. Су Мо попытался оттолкнуть его, но Хань Дун даже не шелохнулся. Он чуть склонил голову, заглядывая парню в глаза.

— Ну что, я всё ещё подонок? — в его низком голосе слышалась неприкрытая ирония.

Су Мо нравилось это ощущение игры, поэтому он снова кивнул.

— Всё ещё? — Хань Дун придвинулся ещё на дюйм.

Су Мо окончательно смутился. Он слегка отвернулся и снова кивнул.

— Сами напросились, господин Су, — Хань Дун усмехнулся и подался вперёд окончательно. Его дыхание коснулось лица Су Мо. Тот вздрогнул и попытался отклониться назад, но широкая ладонь Хань Дуна легла ему на затылок, не давая сбежать.

Теперь их разделяло лишь несколько сантиметров. Су Мо боялся даже вздохнуть, он не знал, куда смотреть, не в силах выдержать напор этих тёмных, глубоких глаз.

— Ну? Подонок? — прошептал Хань Дун, и его слова обожгли губы Су Мо. Этой близости было уже слишком много. Вспыхнув до корней волос, юноша собрал все силы и резко оттолкнул наглеца.

— Ха-ха-ха... — Хань Дун расхохотался. Су Мо впервые видел его таким — искренним и бесшабашным — и сам не удержался от мимолётной улыбки.

В дверь постучали.

— Брат вернулся, — бросил Хань Дун и вышел из комнаты.

Су Мо поспешно потер лицо. Когда он вышел в гостиную, там уже был Су Цзинь. Он с подозрением посмотрел на брата:

— Ты чего такой красный?

«В ванне перегрелся», — быстро нацарапал Су Мо.

Су Цзинь оглядел его с ног до головы:

— Это вещи Дун-цзы?

Юноша кивнул: «Всё чистое».

— Да они же тебе велики размера на два, — брат махнул рукой. — Ладно, пошли, будем есть хого.

Когда они вышли, Лян Цинь и Хань Дун уже всю хозяйничали на кухне, мыв овощи. Оба высокие, статные, но Хань Дун со своей развязной грацией невольно притягивал взгляд.

Смеркалось. Четверо парней сидели вокруг исходящего паром котелка, обливаясь потом от остроты, запивая всё холодным пивом.

— Эх, кабы жизнь была без забот, — Су Цзинь уже слегка захмелел, — делай что хочешь... Лян Цинь, ты о чём мечтаешь больше всего?

— Хочу стать богатым, чтобы бабушка больше не убивалась из-за моих долгов за учёбу. А ещё — хочу свой дом, чтобы на Новый год можно было вот так сесть всей семьёй за стол и лепить пельмени, — Лян Цинь горько усмехнулся и приложился к бутылке. — А ты?

Су Цзинь только открыл рот, чтобы ответить, но Хань Дун его опередил:

— А я вам скажу, чего хочу я. Больше всего на свете я хочу... трахнуть ту, кого хочу. Да так, чтобы она кости свои не собрала.

Парни дружно расхохотались.

— Ну и не повезло же той девке встретить такого отморозка, — хмыкнул Су Цзинь.

Хань Дун одним глотком допил пиво:

— Пан или пропал. Живём один раз.

Су Мо замер, глядя на него. Улыбка медленно сползла с его лица, а в памяти внезапно всплыл образ того самого мальчика.

<http://bllate.org/book/17506/1653768>